

Рену отойти от неприятеля, постараться навести его на редуты и подвергнуть артиллерийскому обстрелу, предполагая, что шведы не знают о количестве редутов.

В четвертом часу утра Петр, будучи не вполне уверенным, что генеральное сражение произойдет именно в этом месте и, не желая подвергать риску свою кавалерию, приказал Меншикову отступить. На что разгоряченный успехом князь в запальчивости отвечал, что наоборот, нужно усилить конницу несколькими пехотными полками. Он в горячке доказывал, что неприятель терпит большие потери, а у русских они весьма малы и если бы не шведская пехота, *"...то бы вся неприятельская кавалерия была бы порублена"*. Кроме того, он выразил опасение, что отступление может придать *"дерзости неприятелю"*, который начнет преследование. Короче, князь отказался выполнить приказ царя, но Петр, преследуя свои тактические цели, не хотел дать генеральную баталию в таком узком месте, где всадники рубились уже на палашах.

Царь вторично, на этот раз уже через своего генерал-адъютанта послал Меншикову приказ об отступлении, но князь и на этот раз не повиновался. Свой отказ он объяснял тем, что если кавалерия отойдет, то шведы завладеют всеми редутами. Если же бой за редуты продолжить, то неприятельская кавалерия не сможет преодолеть поперечную линию из шести редутов, в качестве доказательства своего успеха, Меншиков послал царю несколько захваченных шведских знамен.

В это время, благодаря кавалерийским атакам, шведская пехота упорядочила свои ряды и вновь пошла в наступление. Началась перестрелка, русская конница, сохраняя боевой порядок, наконец, отступила и спокойно прошла в промежутках между поперечными редутами. Шведская кавалерия бросилась за отступающими; теперь уже не видно было, где швед, а где русский, – место схватки было окутано густым дымом и все мундиры покрылись толстым слоем гари и пыли. Казалось, русские терпят поражение и готовятся бежать, а шведы вновь, как и прежде, побеждают. За кавалерией